

Научная статья
УДК 378
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть 2

Денис Александрович Литошенко
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
Владивосток, Россия, Denis.Litoshenko@ro.ru

Аннотация. В статье исследовательское внимание направлено на взаимосвязь академического капитализма как концептуальной модели и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик. Следовательно, университетская бюрократия выступает носителем и пользователем академического капитализма как идеологии. Вторая часть статьи посвящена исследованию становления современной российской академической бюрократии, социальных и интеллектуальных истоков, различных аспектов функциональности, конкретизации интеллектуальной природы и многим другим особенностям и характеристикам "академического капитализма", а также способам и приёмам преодоления некоторых его негативных проявлений.

Ключевые слова: университетское образование, университетская идеология, концептуальная модель, академический капитализм, университетская бюрократия, университетские реформы, мировой и российский опыт, прагматика отражения угроз и преодоления последствий

Для цитирования: Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 164–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part 2

Denis A. Litoshenko
Maritime State University named after Adm. G.I. Nevelsky, Vladivostok, Russia, Denis.Litoshenko@ro.ru

Abstract. The article focuses on the relationship between academic capitalism as a conceptual model and the university bureaucracy, which actively engages this conceptual model as a source of justification and justification of its set of intrasystemic functional practices. The university bureaucracy acts as a carrier and user of academic capitalism as an ideology. The second part of the article is devoted to the study of the formation of modern Russian academic bureaucracy, social and intellectual origins, various aspects of functionality, concretization of intellectual nature and many other features and characteristics of "academic capitalism", as well as ways and techniques to overcome some of its negative manifestations.

Key words: university education, university ideology, academic capitalism, university bureaucracy, university reforms, world and Russian experience, pragmatics of repelling threats and overcoming consequences

For citation: Litoshenko D. A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 164–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

За время, прошедшее с опубликования первой части настоящей статьи [7], произошли значительные перемены, которые не могут не повлиять на ход наших дальнейших рассуждений о содержании идеологического кредо университетской бюрократии как минимум в масштабах отечественной высшей школы. Во-первых, "академический капитализм" утратил значение идейной доминанты развития современного российского высшего образования. Во-вторых, наиболее выдающиеся носители идеологии "академического капитализма", действовавшие на разных уровнях и участках управления отечественной высшей школой потерпели в большинстве своём фиаско и были низринуты с высот политических и административных Олимпов. И в силу этого, в-третьих, современное состояние идеологии и практики "академического капитализма" со всей справедливостью можно описать почти пелевинским "П4" – прощальные песни политических пигмеев, коих судьба-злодейка уже изрядно побила и продолжает трепать с завидным упорством. Беззубый, вынужденный мими-

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 160–167.

крировать лишь для самосохранения, вытесненный на периферию повестки дня общественного сознания, ведущий арьергардные бои, "академический капитализм" остаётся не менее опасным, особенно в виду реальной возможности его реставрации под иными знамёнами в случае изменения ситуации в благоприятном для этого ключе. И наконец, в-четвёртых, дабы отвести от себя возможные подозрения в попытке свести личные счёты, прибегнем к использованному М.С. Восленским приёму [4, с. 563-564] – введём в наши (смею надеяться, всё же научные) рассуждения, вымышленного литературного персонажа, воплощающего в себе собирательный образ многочисленных отечественных адептов идеологии "академического капитализма". Для того, чтобы на этих страницах присутствовала бы не только абстрактная теоретическая схема представителя сообщества университетской бюрократии, но мелькнули бы в ней и реальные краски жизни [4, с. 564], просим любить и жаловать – госпожу Этранжер Павитаровну Вавилонскую (далее – профессор Вавилонская).

Однако, справедливости ради, следует заметить, что "краткое торжество" "академического капитализма" ознаменовалось не только провалами, поражениями и неудачами. Были и достижения. К числу таковых можно отнести возрождение Приморского регионального отделения Российского общества "Знание", реставрацию (пусть и в не до конца понятном формате) высшего педагогического образования в г. Уссурийске и др. Тем не менее названные достижения являются скорее побочным, по большому счёту случайным результатом деятельности отдельно взятых носителей идеологии академического капитализма, а не частью положительного системного эффекта от претворения в жизнь соответствующих идей и практических инструментов. Кроме того, окончание 2022 г. ознаменовалось тревожными вестями из Забайкальского края, где к руководству ключевым государственным университетом региона пришёл наиболее одиозный доморощенный адепт доктрины "академического капитализма" (один из ключевых прообразов незабвенной профессора Вавилонской) [3], но об этом речь более подробно пойдёт под занавес наших рассуждений.

Кроме того, "академический капитализм" обнаружил себя как ключевая составная часть идеологии преобразований догоняющего эшелона развития отечественной высшей школы, в особенности, по отношению к периферийным регионам современного российского научно-образовательного пространства [9]. Наблюдаемые явления со всей очевидностью свидетельствуют о происходящем в настоящее время ренессансе "академического капитализма" как идеологической концептуальной модели и соответствующей ей системной практики.

Стремление выявить социальные и интеллектуальные истоки исследуемых концептов (академический капитализм, академическое предпринимательство, предпринимательский или – но значительно реже – предприимчивый университет, менеджериализм и новый менеджериализм, менеджеризм и новый менеджеризм) приводит к пониманию того, что комплекс мифологемных концептов "академический капитализм" в своём современном значении входит в оборот в результате интервенции радикального (можно даже посчитать – экстремистского) менеджериализма в область академических ценностей соответствующих университетских научно-образовательных сообществ. Происходящая в результате ломка коммунитарной субкультуры является крайне болезненной и, что закономерно, вызывает упорное, принимающее разнообразие формы, сопротивление.

Однако следует акцентировать внимание на принципиальных различиях в обстоятельствах, предопределивших возникновение и последующую реактуализацию комплекса идеологемных концептов "академический капитализм" в реалиях отечественной высшей школы по сравнению с зарубежным опытом (главным образом – американским, и прочим западным – в меньшей степени). Дело в том, что носителями идеологии и практики "академического капитализма" в реалиях современной отечественной высшей школы выступили представители генерации вузовских управленцев, возникшей и окрепшей в условиях сначала ослабления, а затем и полного отсутствия гнёта номенклатурной системы замещения "ответственных" руководящих должностей, характерной для советского общества [4, с. 118-182].

Формирование отечественного сообщества адептов "академического капитализма" происходило в "удельный период" новейшей истории российской высшей школы, пришедший на смену "номенклатурной эпохе". В узком смысле хронологические рамки периода вузовской "удельщины" можно определить временем с 1993 – до 1998 гг., на которые пришёлся "бум высшего образования" в России. Данное замечание открывает нетривиальные горизонты для выявления и интерпретации интеллектуальных и социальных истоков "академического капитализма" в современной отечественной высшей школе. Олигархическая и квазифеодальная природа автохтонной университетской бюрократии раскрывает функциональное многообразие "академического капитализма", в её взаимоотношениях с вышестоящими уровнями управленческой иерархии отрасли. Следует отметить роль идеологического основания для оправдания собственного существования в системе, носящего порой паразитический характер. Не случайно, Э.П. Вавилонская, занимая поочерёдно ответственные посты в вузовской, а потом и в региональной отраслевой администрации, не связанные напрямую ни с исследовательской, ни с преподавательской деятельностью, не жалела усилий для обезвреживания соответствующими учёными степенями и званиями, что позволяло решить одновременно две совершенно разноплановых задачи: 1) гарантированного получения государственного содержания в зарплатной форме; 2) обеспечения положительной идентификации вузовским научно-образовательным сообществом в бинарной системе "свой-чужой", позволяющей преодолевать отчуждение, возникающее между университетским бюрократом и вузовскими коммунарными агрегациями. "Академический капитализм" выступает защитным демпфером, позволяющим университетской бюрократии счастливо избегать жёстких деструктивных и трансформационных воздействий со стороны своекорыстной вышестоящей управленческой иерархии и политиков-популистов, являясь заявкой на наличие у неё ещё не ставшего очевидным потенциала полезности.

Если в номенклатурный период схемы обеспечения материального благополучия отечественной университетской бюрократии принадлежали, мягко говоря, "серой зоне" социального бытия, то период "удельщины" ознаменовался переносом партикулярных практик материального фундирования в легальную плоскость за счёт возникшего в обществе ажиотажного платёжеспособного спроса на образовательные услуги высшей школы ("образовательного бума"), когда университетская бюрократия могла на законных основаниях обогащаться прилагая усилия лишь к своевременному расширению предлагаемого ассортимента образовательных программ в соответствии с незамысловатым принципом – "чем экзотичнее, тем привлекательнее", и полномасштабной легализации и социальной эмансипации образовательного предпринимательства. Но в начале XXI в. влияние вузовского "образовательного бума" 1993–1998 гг. окончательно сходит на нет, а перед университетской бюрократией встаёт необходимость поиска иных возможностей обеспечения собственного материального благоденствия. В этой то ситуации и была "поднята на щит" идеология "академического капитализма", под знамёнами которой российская университетская бюрократия не только обрела возможность беспрепятственно изыскивать источники собственного преуспеяния в самом широком спектре аспектов функционала высшей школы, но и, что представляется даже более важным, оправдывать собственную своекорыстную деятельность на протяжении последующих полутора десятилетий. Именно в первое десятилетие XXI в. отечественная университетская бюрократия активно заимствует и изобретательно приспособливает к своим нуждам концептуальную модель "академического капитализма", находя в ней обоснование собственного господства в непрерывно и динамично изменяющихся условиях. Отсутствие же, отмечавшееся нами ранее [7, с. 164], публикаций ключевых "авторитетных текстов" "академического капитализма" на русском языке лишь создавало интеллектуальное пространство, которое было умело использовано глубоко индоктринированными (не только трепетно и преданно состоящих на службе у университетской бюрократии или напрямую интегрированных в неё, но исто-во убеждённых в конечной правоте данной концептуальной модели) представителями экспертного сообщества для создания массива нарративов (от фр. и англ. *narrative* и лат. *narrare* "рассказывать, повествовать"), призванных

обеспечить перенос содержания концептуальной модели из зарубежных (американских и европейских) реалий в отечественные.

Переходя к оценке образующих концептуальную идеологическую модель "академического капитализма" понятий (академическое предпринимательство, предпринимательский университет, менеджериализм и новый менеджериализм, эффективный менеджмент высшей школы, социальное проектирование в высшем образовании и др.), а так же всей названной концептуальной модели в целом, с позиций их имагинативных (от англ. *imagine* – вообразить, представлять), интерпретативных (от англ. *interpret* – толковать, трактовать, объяснять) и преобразовательных возможностей, целесообразно начать именно с имагинативного потенциала. В силу идеологической природы исследуемой концептуальной модели. Имагинативный потенциал "академического капитализма" раскрывается через практику использования его университетской бюрократией в качестве инструмента построения в сознании доминируемых групп научно-образовательного сообщества высшей школы и более широкого круга заинтересованной общественности образных конструкций, призванных визуализировать "светлое будущее" торжества данной концептуальной модели. Но это только одна сторона её имагинативности.

Вторая сторона имагинативности "академического капитализма" связана с лагерем его противников. Она состоит в демонизации, отождествлении его с воплощением мирового зла в чистом виде. Однако даже культивируемые здесь негативные образы оказываются поставленными на службу продвижению, поддержанию в фокусе общественного внимания, пребыванию в актуальной повестке дня общественного сознания, плодами чего "академический капитализм" пользуется в полной мере. Хотя и с этой стороны "баррикады" есть свои идейные борцы с "буржуазной ересью во храме учёности" [8, с. 5-7], тем не менее их весьма насыщенные эмоционально, порой написанные с искренней болью в сердце описания вовсе не способны поколебать позиций и установить мерную поступь "академического капитализма". Несмотря на кажущуюся недалёкость и тяготение к рутинной деятельности, многие представители университетской бюрократии в совершенстве овладели техниками "информационного айкидо", позволяющими использовать во благо себе любой, даже самый негативный инфоповод.

Однако в наибольшей степени имагинативный потенциал "университетского капитализма" раскрывается в творчестве его самоотверженных сторонников-носителей (т.е. университетской бюрократии как коммунитарной агрегации) и специально привлечённых ими авторов самого разного уровня погруженности в контекст данной концептуальной модели [11; 12]. Усилиями профессора Вавилонской и её коллег по кормилу власти и перу в отдельных вузах были созданы обширные литературные традиции, составляющие их тексты, реализуют имагинативный функционал "академического капитализма", предпринимают порой весьма примечательные попытки разместить измышляемые образные конструкции в пространстве объективной реальности, представить на всеобщее обозрение эдакий "град на горе". Таким образом, в обоих своих аспектах, имагинативный потенциал рассматриваемой концептуальной модели выступает в качестве своеобразного оптического приспособления – наподобие зелёных очков для обитателей и гостей Изумрудного города, – позволяющего представить в виде безупречного воплощения мирового добра либо столь же мирового зла, в прямой зависимости от того, какие исходные оценочные позиции будут предварительно избраны. Кроме того, вполне возможны инверсии занимаемых оценочных позиций.

Раскрывать интерпретационный потенциал "академического капитализма" следует в тесной связи с его имагинативностью. Более того, все три аспекта функциональности (или, если хотите – полезности) "академического капитализма": имагинативность, интерпретативность и реформационность необходимо рассматривать в тесной связке между собой. Если имагинативность сводится к указанию целей и ориентиров, пусть даже самых мистифицированных, дальнейшего развития высшей школы, то интерпретативность отвечает за определение наличествующих условий (отправной точки изменений и трансформаций) как достаточных и необходимых для проведения соответствующих преобразований в духе "академического капитализма", так и за легитимацию полученных результатов в качестве воплощения высоких

идей и принципов базовой концептуальной модели. В то же время преобразовательный потенциал определяется арсеналом средств, методов и режимов осуществления намеченных реформаций.

Как правило, возможности для реализации интерпретативного и преобразовательного потенциалов "академического капитализма" возникают в связи со сменой поколений или господствующих групп университетской бюрократии, в чем можно усматривать частный случай проявления известного механизма ротации элит. Университетская бюрократия может обновляться либо трансформироваться иным образом, как эволюционным путём, под действием внутренних, естественных факторов, так и принудительно, под воздействием внешнего вмешательства. Профессор Вавилонская, например, возглавила ведущий университет одного из регионов после того, как её предшественник был отправлен в отставку учредителем вуза, что создало благоприятные условия для претворения в жизнь программы масштабных преобразований, необходимых для преодоления того "бедственного" положения, в котором вверенный профессору Вавилонской как ректору университет находится в настоящее время, и создания системных предпосылок для обеспечения его хозяйственной эффективности как полноценного субъекта регионального кластера инновационной экономики современной России

Дальнейшее рассмотрение преобразовательного потенциала концептуальной модели "академического капитализма" подводит нас к вопросу о методологии и арсенале средств, используемых его адептами для проведения осуществляемых ими реформ. Следует отметить, что "академический капитализм" отличается методологической и инструментальной "всеядностью", с явным тяготением к использованию трендовых (от англ. trend – тенденция, т.е. отвечающих тенденции) методико-технологических решений, что способствует поддержанию его позиций в фокусе внимания заинтересованных групп и в составе актуальной повестки дня общественного развития. Следует обратить внимание на такую черту реформационности рассматриваемой концептуальной модели, как крайний инструментализм, в полном соответствии со знаменитым высказыванием Дэн Сяопина: "Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей". Отсюда возникает ещё одна особенность "академического капитализма", взятого на вооружение университетской бюрократии, – "безыдейность" или идеологический индифферентизм, возникающие в ситуации, когда преобразования в духе содержания концептуальной модели проводятся, но соответствующая идеологическая подоплёка не рефлексивируется, не осознаётся и, соответственно, публично не манифестируется. Зачастую в силу своей одиозности "академический капитализм" искусно маскируется, элиминируется, "выносятся за скобки", однако реальные действия позволяют обнаружить присутствие его "духа", "тени" или "незримой руки". Наглядным примером подобного рода практики может служить деятельность и публичные высказывания профессора Вавилонской последнего времени, когда она последовательно занимала ряд высоких постов в управлении образовательной сферой в нескольких регионах страны.

Подводя итог исследованию различных аспектов и характеристик бытования "академического капитализма" как концептуальной модели, представляется возможным конкретизировать её интеллектуальную природу. Изначально он представлял собой научную гипотезу, призванную ответить на комплекс волновавших главным образом американскую университетскую общественность и близкие к ней заинтересованные группы вопросов, ключевым из которых был: "Откуда и как взять дополнительные деньги, необходимые для дальнейшего существования и развития высшей школы?". Со временем, обзаведясь солидной аргументацией и развитым понятийным аппаратом, гипотеза приобрела статус теории, учения. Однако дальнейшая судьба концептуальной модели складывалась на путях идеологизации, приобретения необходимой социальной базы (в качестве которой и выступила университетская бюрократия) и обрастания объёмным арсеналом соответствующих средств, приёмов, методов и технологий, позволяющим поддерживать высокий уровень функциональности в качестве основания для многообразных и разноплановых преобразований как инициируемых университетской бюрократией по собственному почину, так и осуществляемых ею в угоду вышестоящей властной иерархии.

В то же время партикулярная сторона идеологической ипостаси "академического капитализма" наводит на мысль, что данная концептуальная модель вполне может выступать и как мировоззренческая парадигма [10, с. 20], функционирующая в групповом и индивидуальном сознании университетской бюрократии. Таким образом, "академический капитализм" приобретает черты ядра мировоззрения, универсального базиса сознания университетской бюрократии, деятельность которой имеет поистине глобальный масштаб.

В целях изучения практики реализации концептуальной модели "академического капитализма" в контексте опыта мировых систем высшего образования обратимся к примерам проведения трансформаций её "в духе" охвативших 5 европейских университетов, расположенных в таких странах, как Англия, Голландия, Шотландия, Швеция и Финляндия, в последней четверти XX в. Вполне успешный опыт предпринимательских трансформаций, проведённых в университетах Уорика, Твенте, Стратклайда, Чалмерса и Йонсуу, был достаточно подробно описан и исследован Б. Кларком [5]. Следует отметить весьма мягкую, вкрадчивую манеру подачи материала, что заметно отличает книгу Б. Кларка от схожих по содержанию сочинений как американских, так и отечественных "летописцев" большого созидательного пути "академического капитализма", для которых свойственна жёсткая, беспелляционная позиция. Помимо попытки предложить компактный, простой и свободный от негативных коннотаций и ассоциаций тезаурус описания практически полностью умалчиваемой концептуальной модели, автор формулирует собственную концепцию реализации, в условиях соответствующих конкретных университетов, успешных предпринимательских трансформаций.

Предложенная Б. Кларком концепция включает в себя следующие пять направлений предпринимательской трансформации университетов: 1) усиленное направляющее ядро; 2) расширенная периферия развития; 3) диверсифицированная база финансирования; 4) стимулируемые академические структуры; 5) интегрированная предпринимательская культура [5, с. 21-26]. Именно сквозь призму указанных направлений и рассматриваются происходившие в соответствующих европейских университетах трансформации, интересы, позиции, роли, промежуточные достижения и конечные результаты всех участвующих в трансформациях субъектов либо имеющих в них чётко осознанную заинтересованность. В итоге создаётся впечатление о том, что в "европейской редакции" "академический капитализм" предстаёт в качестве комфортного, но в то же время весьма эффективного системного средства решения спектра наболевших финансово-экономических и управленческих проблем высшей школы. Вовсе не удивительно, что именно приведённые Б. Кларком примеры историй успеха "академического капитализма" были опубликованы его российскими адептами – высокопоставленными университетскими бюрократами для широкомасштабного использования в пропагандистских целях.

На фоне мерной поступи от достижения к триумфу, а от триумфа к очередному эпохальному свершению, демонстрируемой "академическим капитализмом" на просторах Северной Америки, Западной и Северной Европы, результаты отечественной высшей школы впечатляют значительно меньше. Наряду с весьма ограниченным рядом примеров успешного насаждения концептуальной модели на почве нескольких отдельно взятых российских вузов, общее влияние "академического капитализма" на ландшафт национального научно-образовательного пространства высшего образования современной России остаётся всё ещё достаточно ограниченным. Более того, далеко не везде локально действующая университетская бюрократия в полной мере освоила и приняла концептуальную модель в качестве своей мировоззренческой парадигмы. Здесь же следует оговориться, что новые поколения отечественной университетской бюрократии, осваивают "академический капитализм" в более либеральной, компромиссной редакции, нежели та, которая стала идеологическим и мировоззренческим кредо предыдущего поколения, в том числе профессора Вавилонской.

Рассмотрение отечественного опыта реализации концептуальной модели "академического капитализма" в практике высшей школы должно осуществляться с учётом объективно существующей её региональной неоднородности и предопределяемых этим обстоятельством различиях в объёме

напластований соответствующих коммунитарных традиций и институтов университетской жизни. Наиболее неблагоприятная ситуация в этом отношении сложилась именно в южных районах российского Дальнего Востока, где коммунитарное измерение общества в целом находится либо в незрелом, либо умеренно угнетённом состоянии. В подобной ситуации коммунитарные консолидации возникают по обыкновению ситуативно и отличаются негативной направленностью. Неудивительно, что переменный успех профессиональной деятельности профессора Вавилонской напрямую коррелирует со степенью развития коммунитарных традиций и институтов в тех регионах, где расположены те вузы, в которых она протекала. Слабость коммунитарных агрегаций вузовского научно-образовательного сообщества способствовала успеху деятельности профессора Вавилонской, тогда как их сила – создавала сложности и препоны на пути её преобразовательных начинаний.

Внесение необходимых коррективов (в плане как предупреждения, отражения существующих угроз со стороны "академического капитализма", так и ликвидации последствий попыток его претворения в жизнь) в практику использования исследуемой концептуальной модели при принятии управленческих решений в современной отечественной системе высшей школы следует ориентировать на преодоление негативных последствий усилий университетской бюрократии (а если шире – всей отраслевой бюрократии в целом), повседневная управленческая и преобразовательная деятельность которой зиждется на соответствующей концептуальной модели, выступающей не только интерпретационно-объяснительным инструментом осмысления реалий современной отечественной высшей школы, но основанием для принятия управленческих решений на всех уровнях администрирования сегмента российской национальной образовательной метасистемы, в рамках которого осуществляется образовательная деятельность высшего порядка. Исходя из указанных соображений, представляется необходимым в очередной раз прибегнуть к массиву доступно в русскоязычном изложении зарубежного опыта. По обыкновению, выступающий с либерально-консервативных позиций Д. Бок [2, с. 40-41] цитирует британского философа П. Кавса, который ещё в 1970 г., характеризуя современную ему университетскую бюрократию, заметил: "Они, по сути, являются вспомогательным персоналом, не имеющим отношения к настоящему делу в университете, и только замена общественной модели корпоративной позволила им занять нынешнее доминирующее положение" [2, с. 40-41]. Завершает же свой пассаж бывший ректор Гарвардского университета, приводя ещё одну цитату, на сей раз из сочинения американского социолога С. Ароновича, сетовавшего уже в 2000 г. на власть университетской "администрации, которая наращивает своё влияние, всё меньше считается с интересами профессором и студентов и всё больше действует в интересах политических и корпоративных сил, добивающихся полного контроля над высшей школой" [2, с. 41]. С нашей точки зрения, в русскоязычном переводе цитаты из статьи П. Кавса допущена неточность, не позволяющая в полной мере понять отказ от чего, позволил господству университетской бюрократии (иногда его ещё называют – менеджериализмом [1, с. 38-40]) процвести в американской высшей школе в последней четверти XX в. Судя по всему, речь должна идти о коммунитарной модели, предполагающей у университета ещё и ипостаси общества, а не только учреждения (организации), всё больше приобретающего черты доходного предприятия.

Книга Д. Бока в связи с предметом нашего интереса в рамках настоящей статьи упомянута вовсе не без умысла. Хотя в работе экс-ректора Гарвардского университета на протяжении более двухсот страниц понятие "академический капитализм" не упоминается ни разу, тем не менее вся она посвящена осмыслению реалий бытования современной американской высшей школы и оправданию поистине титанических усилий университетского менеджмента (т.е. той же университетской бюрократии, только на американский лад), прилагаемых для обеспечения процветания высшей школы США и сохранения за ней лидирующих позиций в глобальном масштабе [2, с. 42]. Следовательно, "академический капитализм" как концептуальную модель идеологической природы необходимо понимать как результат адаптации университетского образования к реалиям постиндустриального (информационного) общества и к вызовам, исходящим от инновационной экономики – экономики, основанной

на знаниях. Соответственно, "академический капитализм" сам по себе не плох и не хорош. Он лишь реакция на стремительно, но неотвратно изменяющиеся условия бытования университетского образования в глобальном масштабе, что не исключает существования различий в локальном, субрегиональном, национальном, региональном и метарегиональном контекстах. Последствия же претворения в жизнь данной концептуальной модели идеологической природы определяются руководствующейся ей в своей повседневной деятельности университетской бюрократией. В связи с чем возникает закономерный вопрос: каким образом возможно изменить, характер, мировоззрение и *modus operandi* университетской бюрократии? В качестве ответа просматриваются два равно возможных пути изменений. Первый из которых подразумевает радикальный социальный реинжиниринг самой университетской бюрократии, ориентированный на трансформацию состава и мировоззренческих установок её представителей. Второй же предполагает значительное изменение условий её рекрутирования, существования и функционирования. Данные перемены должны поставить университетскую бюрократию в жёсткую зависимость от общества в целом, с одной стороны, и от вузовского научно-образовательного сообщества – с другой. Преодолев, таким образом, присущее ей на сегодня обыкновение бытовать, исходя исключительно из собственных, узко партикулярных интересов, т.е. к автономизации, в том смысле этого понятия, который используется при характеристике социальных систем и подсистем. Социетальный и коммуитарный контроль за деятельностью и основанная на этих началах система сдерживания менеджериалистского административного аппарата высшей школы видятся достаточно эффективными средствами обуздания олигархического самовластия и партикулярного благоденствия университетской бюрократии.

После этих строк так и хочется воскликнуть вслед за коллегами из Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, исследовавшими российскую корпоративность, воспроизводя известное народное выражение: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги" [6, с. 8-9]! Исходя из чего возникает закономерный вопрос о том, какие же реальные шаги необходимо предпринять, дабы избежать попадания в эти самые "овраги" сумеречной, "зазеркальной" изнанки отечественной университетской бюрократии?

Наметим ряд приёмов, которые могут использоваться как совокупно, даже в качестве последовательных шагов, так и по отдельности, для отражения деструктивных воздействий, исходящих от идеологии "академического капитализма", а также обосновываемой и оправдываемой ею практики университетского менеджмента.

Во-первых, непрестанно задавать вопросы и публично подвергать сомнению любые принимаемые межеумочно решения, вселяя представителям университетской бюрократии высшую степень неуверенности в своих мыслях и действиях, граничащую с полной невротизацией. Поступая таким образом, можно обеспечить университетской бюрократии остроту ощущения внутрикорпоративного "бремени власти" и вытеснение им доминирующего в настоящее время переживания своего положения в системе управления высшей школой как "вечного медового месяца с властью".

Во-вторых, оказывать давление на вышестоящие уровни отраслевой бюрократии, тем самым вынуждая нижестоящих университетских бюрократов действовать по принципу "не можешь пресечь, должен возглавить!" Реализация этой меры в качестве ключевого фактора эффективности подразумевает возрождение и обновление институтов внутриуниверситетской "советской власти", которые должны демпфировать самовластные интенции университетской и отраслевой бюрократии.

В-третьих, угрожать "выносом сора из избы", а в случае отсутствия положительной реакции – "выносить сор из избы" – обращаться в судебные и надзорные органы. В последнем случае в качестве таковых могут выступать как универсальные (прокуратура), так и отраслевые (Рособрнадзор и др.) государственные надзорные органы. Университетская бюрократия, как и вся бюрократия сферы образования, до дрожи в поджилках боится любых инспекций и проверок, а также "визитов дружбы" и "заглядываний на огонёк" со стороны "людей в штатском" (отраслевые надзорные органы, ФСБ) и "государственных

служилых людей в голубых мундирах" (прокуратура). Пугать ими университетских бюрократов можно до бесконечности.

В-четвёртых, компроментация в глазах общественного мнения и создание повода для "шумихи" в СМИ. Перефразируя известное высказывание одного приморского парламентария, можно сказать, что "власть и деньги любят тишину". В силу того, что "академический капитализм" как концептуальная модель отвечает на два животрепещущих для университетской бюрократии вопроса: и о власти, и о деньгах, поэтому для последней нет более болезненной ситуации, чем муссирование в СМИ отдельных сведений, фактов, персоналий, напрямую или косвенно затрагивающих академическую бюрократию, что закономерно провоцирует недовольство всё той же властной иерархии, у которой может возникнуть представление о неспособности, некомпетентности и, что ещё хуже, нелояльности местной университетской бюрократии и вызвать стойкое желание сменить "весь состав действующих лиц", а это уже само по себе смерти подобно и да же хуже того.

В-пятых, привлечение профессиональных политиков, жадных до возможности приобрести политический капитал, эксплуатируя нетривиальные сюжеты, в качестве актуальной политической повестки дня в деле обеспечения общественных интересов. Дело в том, что образование (в том числе и высшее) входит в группу ключевых потребностей общества, а поэтому любые посягательства, ущемления прав и возможностей, а также разного рода злоупотребления в этой области всегда вызывают острую реакцию общества. Скандалы, разбирательства и расследования в рядах "святого семейства" университетской бюрократии создают повод к практически неограниченному приобретению политического капитала, который в ходе выборной кампании всегда можно по выгодному курсу обменять на голоса избирателей, а их, в свою очередь, на искомую должность в органах власти соответствующего уровня.

Таким образом, подводя итоги статьи, со всей определённой следует признать, что сопряжение ограниченного арсенала понятий теоретического плана в рамках соответствующей концептуальной модели, ядром которой является понятие "академический капитализм", а сама эта модель используется для описания, интерпретации и трансформации реалий бытования современных систем высшего образования, представляется в полной мере правомерным. Кроме того, ключевым субъектом всех указанных аспектов деятельности выступает достаточно многочисленная, но одновременно в значительной мере замкнутая общность профессиональных носителей управленческих функций, как в границах отдельно взятой образовательной организации высшего образования, так и в масштабах всей вузовской подсистемы как составной части соответствующих национальных образовательных метасистем – университетская бюрократия. Необходимо подчеркнуть, что взаимосвязь "академического капитализма" как концептуальной модели и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик, т.е. выступающей его носителем и пользователем, следует признать в полной мере обоснованной и доказанной.

Литература

1. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие. С. 37-47. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/07/1270377914/Abramov.pdf> (дата обращения: 23.08.2020)
2. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012, 224 с.
3. Бунт студентов и скандалы на местах. Что известно об и. о. ректора ЗабГУ Оксане Мартыненко?. URL: <https://yubimiiigorod.ru/Chita/news/16471855?ysclid=ld0z9lfrhy304956495> (дата обращения: 18.01.2023)
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / предисловие М. Джиласа. 2-е изд., испр. и доп. London: Overseas Publications Interchange, 1990. 671 с.

5. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. А. Александрова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
6. Корпоративность "по-русски": лицо и изнанка: 1/2: научные труды, записки, исследования института социально-политических проблем управления / Науч. ред. Е.А. Куликова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2008. 200 с.
7. Литошенко Д.А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть I // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 160–167.
8. Мамедов О.Ю. Коррупция, коммерциализация и бюрократизм в американских университетах // Terra economicus. 2010. Т. 8 № 3 С. 5–7.
9. Программа "Приоритет-2030". URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 07.07.2023)
10. Сальников А.А. Парадигмальные основания мировоззрения: к постановке проблемы // Вестник Военного университета. 2011. № 1. С. 15–21.
11. Управление современным университетом: Кол. монография / Под общ. ред. проф. Г.И. Лазарева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 324 с.
12. Управленческие инновации в вузе: Кол. монография / Под общ. ред. проф. Г.И. Лазарева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 300 с.

References

1. Abramov R.N. Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction. P. 37–47. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/07/1270377914/Abramov.pdf> (accessed 08.23.2020) (In Russ.).
2. Bok D. Universities in the market-place. Commercialization of higher education / translated from the English by S. Karp; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 224 p. (In Russ.).
3. Student revolt and scandals on the ground. What is known about the acting Rector of ZabSU Oksana Martynenko?. URL: <https://lyubimiiigorod.ru/Chita/news/16471855?ysclid=idOz9lfrhy304956495> (accessed 01.18.2023) (In Russ.).
4. Voslensky M.S. Nomenclature. The Ruling class of the Soviet Union / foreword by M. Djilas. - 2nd ed., ispr. and add. London: Overseas Publications Interchange, 1990. 671 p. (In Russ.).
5. Clark B.R. Creating entrepreneurial universities. Organizational Pathways of Transformation / translated from English by A. Smirnov; edited by A. Alexandrov; National. research. uni-t "Higher School of Economics". 2nd ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 240 p. (In Russ.).
6. Corporatism "in Russian": the face and the wrong side: 1/2: scientific papers, notes, research of the Institute of Socio-Political Problems of Management / Scientific. ed. E.A. Kulikova. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2008. 200 p. (In Russ.).
7. Litoshenko D.A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part I // Oikumen. Regional studies. 2021. No. 1. P. 160–167. (In Russ.).
8. Mammadov O.Y. Corruption, commercialization and bureaucracy in American universities // Terra economicus. 2010. Vol. 8 No. 3 P. 5–7. (In Russ.).
9. The program "Priority-2030". URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (accessed 07.07.2023) (In Russ.).
10. Salnikov A.A. Paradigmatic foundations of the worldview: towards the formulation of the problem // Bulletin of the Military University. 2011. No. 1. P. 15–21. (In Russ.).
11. Management of a modern university: Number of monographs / Under the general editorship of prof. G.I. Lazarev. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2005. 324 p. (In Russ.).
12. Managerial innovations in higher education: Number of monographs / Under the general editorship of prof. G.I. Lazarev. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2007. 300 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Денис Александрович Литошенко, канд. ист. наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, e-mail: Denis.Litoshenko@ro.ru

Information about the author

Denis A. Litoshenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and State Legal Disciplines, Maritime State University named after adm. G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia, e-mail: Denis.Litoshenko@ro.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 14.07.2023

Одобрена после рецензирования 10.11.2023

Approved 10.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023